Глава 28: Люди чести

Пробежав быстрым шагом около пятидесяти шагов, Чэнь Жун внезапно остановился, опустив голову. Некоторое время он стоял, словно задумавшись о чем-то.

Потом он повернулся, улыбнулся и медленно направился обратно, ступая мягко и грациозно, словно кот, по траве.

Увидев его, Чэнь Вэй хмыкнула и опустила занавеску. Затем она поправила волосы, расправила полы ханьфу, сложила руки и приготовилась, ожидая кузена.

Но неожиданно Чэнь Жун не подошел к ней извиняться, а неторопливо направился к Ван Хуну, который все еще сидел неподалеку от Жань Миня.

Вскоре он подошел к Ван Хуну и сел на его камчатую* циновку.

[Камчатая ткань (дамасская ткань) — одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения. В те времена дорогое удовольствие, наличие изделия из дамасской ткани свидетельствует о состоятельности владельца]

Он сделал то, что желали сделать все дамы в лагере, но не осмеливались. Внезапно их взгляды устремились на него. Ревновать его вроде было глупо, поскольку он был юношей. Очень красивым юношей.

Внимание Ван Хуна занимала наладка цитры. Когда он вдруг почувствовал чье-то присутствие рядом с собой, он не мог не нахмуриться.

Повернув голову, он увидел Чэнь Жуна, обнимающего колени и задумчиво смотрящего на горизонт. Сейчас мальчик не сдерживал флер и он, переплетаясь с собственным флером Ван Хуна, мягко стелился вокруг. Это была почти интимная сцена для глаз одаренных, Явно Жань Минь получал удовольствие от этой близости, судя по выражению сдержанного довольства на его лице.

Не находя слов, Цилан наконец заговорил тихим голосом, склонившись к уху близко сидящего юноши:

— Мой дружочек*, ты редко приходишь посидеть со мной. Ты здесь, чтобы наблюдать за ленивыми облаками закатного неба? — В его мягком голосе звучала нежность и интимность, соответствующие моменту.

Из-за этих произнесенных слов, в тот момент, когда он с таким особым выражением произнес

это высказывание, все девушки резко посмотрели на Чэнь Жуна. Даже Ван Улан вскинул голову, глядя на него немигающим взглядом, и на его лице снова отразилась внутренняя борьба.

Чэнь Жун небрежно к нему повернулся, его глаза оставались спокойными и ясными, когда он встретился с его ошеломляющим взглядом.

Его губы сжались в тонкую линию.

Затем он отвернулся от Ван Хуна и в задумчивой, но простодушной манере невинного ребенка мягко сказал ему:

— Шифу Цилан, посмотри, как беспечно и свободно это белое облако. Если не будет штормов, оно может путешествовать вечно. Но как только приходит буря, оно наполняется гневом и горем, превращаясь в дождь, который омывает землю. Или оно может предпочесть место, где ветер рассеет его или закрутит в темноту и дождь, и лишь пока оно помнит, что когда-то было праздным облаком, оно сможет продолжать оставаться свободным.

Посмотрев на Ван Хуна, а затем на повернувшегося к нему Жань Миня, его бирюзовые, бездонные как небо глаза медленно изогнулись в полумесяцы.

— По-моему, Цилан и Господин Жань — люди чести.

Встав, он добавил:

— В этом мире не так уж много людей чести.

Когда он закончил, то легко двинулся прочь, оставив позади развеселившегося Ван Хуна и изумленного Жань Миня.

Голос Чэнь Жуна не был громким, и его услышали только двое мужчин.

Как только Женя отошел, его тут же окружили несколько девушек. Красавица с острым подбородком требовательно спросила, упирая руки в бока и поигрывая бровями:

— Что ты им такое сказал? Ты наверняка нахваливал им свою кузину?

— Скажи нам, что ты им сказал? — прощебетала «голосом птички» еще одна, кокетливо накручивая на пальчик локон и надувая губки. — Цилану не нравится, когда кто-то находится рядом с ним во время его раздумий. Почему ты можешь присоединиться к нему, даже заставив его так весело рассмеяться?

— Сяо Жун из дома Чэнь, ты мал и еще недостоин общества двух этих бравых мужчин. Лучше держись от них подальше, — блестя глазками, сложила губы уточкой третья.

Она тут же встретилась взглядом с Чэнь Жуном.

Тот был наполнен читаемым убийственным намерением.

Ошеломленная, она быстро замолчала и отступила на всякий случай.

— Какая разница, достоин я или нет? — пренебрежительно ответил Чэнь Жун и отвел взгляд. Потом он изящно взмахнул рукавами и ушел, покачивая головой.

Люди этой эпохи любили говорить загадочные вещи и любили затем обдумывать произнесенное снова и снова, находя один и другой подтекст сказанному. Несмотря на свою простоту, слова Чэнь Жуна заставляли тех, кто их слышал, задуматься над скрытым смыслом этих слов.

Вскоре Чэнь Жун уже сидел в повозке, изучая очередной свиток техник. Он опустил плотную занавеску, словно не замечая, что Чэнь Вэй то и дело бросает взгляды в его сторону.

Губы Чэнь Жуна изогнулись в довольной усмешке.

Свиток был посвящен боевой технике ночного воина, точнее тут это именовалось иначе, «воин тени», но было именно тем, что он хорошо умел в прошлой жизни. Она была мало пригодна на начальных стадиях как именно боевая техника, скорее, как философия единства с миром, потому вероятно отец и не обратил на нее внимания. Но свиток был тем и хорош, что представлял не отдельное ключевое или промежуточное заклинание, а всю линейку в последовательности усложнения самого заклинания. Потому он с ним и возился.

Текст, как водится, был заполнен многомудрыми изречениями составляющими суть данного пути, который проповедовал единство с переменчивым миром и следованию законам развития живого эфира. Продраться сквозь витиеватый образный слог было непросто, найти ключ к активации техники еще сложнее, но что-то уже в который раз заставляло его вновь и вновь начинать чтение этой азиатской многозначительной абракадабры.

И, как выяснилось, интуиция не зря заставляла его это сделать! Ключ к содержимому был, наконец, найден! Суть была в том, что это знание давало возможность слиться со средой, а не просто спрятаться в тенях. Не полог невидимости, но маскировка подобная хамелеону.

Выполнив несколько упражнений-взмахов рук на концентрацию, он сосредоточился, яростно закрутив вокруг себя вихри эфира, взметнувшие волосы и широкие рукава, образуя вокруг него радужный ореол эфирных потуберанцев, находящийся в непрерывном движении, они напоминали солнечную корону, выстреливая беспорядочно во все стороны. В воздухе меж

ладоней на уровне груди, горизонтально плавно вращался рулон свитка и бамбуковых планок, потемневших от времени. Неожиданно планки щелкнули, каждая развернулась веером и распадаясь своими астральными копиями в семи цветах спектра. Сидящая в позе лотоса фигура приподнялась над настилом повозки и резко вспыхнула, но тут же втянула в себя все вышедшие лучи. Женя открыл преливчатые глаза, постепенно вернувшие свой несколько нереальный неоново голубовато зеленый цвет. И опустил взор на свиток, теперь совершенно чистый и новый. Довольно улыбнулся и убрал его в ларец.

-оОо-

С наступлением темноты факелы непрерывно горели, освещая обширную территорию.

Как обычно, молодежь расстелила на лужайке камчатые циновки и собралась поболтать и побалагурить.

—“Наполненный гневом и горем, он превращается в дождь, который снова омывает землю.” Жань Минь, СяоЖун очень уважает тебя, — задумчиво произнес Ван Хун, откинувшись на подушку и глядя на луну в небе. – Он еще не раскрыт полностью в своей силе. Без сомнений, юноша станет звездой нашего времени. И как маг, и как ученый, и как омега.

Жань Минь криво улыбнулся, этот красавчик-омега в корне отличался от него. Принадлежа к дому Ван Лан’я, можно сказать, что одна только фамилия Ван Хуна приносила ему неизмеримую славу. С такой фамилией все, что бы он ни сделал, будет истолковано как вежливость. Если он продолжит делать некоторые вещи, достойные упоминания, он даже займет место среди мудрецов. И это даже без дарованной ему магической силы. Вероятно, тот был несколько уязвлен, что оказался не альфой, а омегой. Магом, призванным быть связанным и зависимым от альфы. Нижним. Впрочем, подобных ему, рожденных с золотой ложкой во рту такое не могло остановить. Не просто так он отправился в северные земли, туда, где расположены монастыри первых одаренных, несмотря на возможную угрозу пленения. Когда-то первые одаренные или как они себя называли «отмеченные небом» уходили от простых людей, посвящая себя небу и совершенствованию. Благодаря им появились первые теории магии и последовательные пути освоения дарованных божественных сил. Первые свитки техник. Именно там его люди и засекли омегу и стали отслеживать его.

С другой стороны, Жань Минь не просто так получил прозвище Перекати-поле *. [Без корней, посторонний, чужак, и прочее.]

Хотя он происходил из императорского рода, он был усыновлен варваром и вынужден был среди Хань именоваться именем семьи матери, словно бастард, а среди Ху именем отчима. Как человек, у которого даже фамилия изменилась, утратив и намек на истинные корни, что бы он ни делал, было трудно завоевать уважение знати центральных равнин. Тут мало помог бы и статус мага, тем более, что он пошел по демоническому пути, как и сводный младший брат. Отчим многое ему дал, тем не менее, не давая забыть о своем благородном поступке и о том, кто он на самом деле.

Не исключено, что он бы спокойно прожил свою жизнь на Севере, если бы не царственный отец, осознавший силу одаренных и желающий убрать или привести к присяге всех членов своей семьи. Кто знает, как он вышел на их след, учитывая, что был неодаренным. Из дворцового гарема у женщин один выход – в огненную яму для ненужных и неугодных, или в императорскую гробницу – для нужных и любимых. Все прочее считалось личным оскорблением императора-дракона.

Он помнил метущиеся огни и воинов в темной броне со скрытыми драконьми масками лицами. Крики умирающих соплеменников, захваченных врасплох среди зимней ночи. Отца схватившегося за топор в одном нижнем ночном одеянии. Мать, сующую ему за пазуху связку амулетов и котомку «на случай» которая была у каждого кочевника, толкающую к нему младшего брата «сбереги». Снег, щедро залитый кровью, обжигающий босые ступни.

В одну из темных ночей гвардейцы ночного дракона вырезали все племя, желая уничтожить его, унесенного из дворца в животе матери, обреченной на удушение отверженной супруги. Она сохранила шелковый шарф (отверженным женам и наложницам вручали специальный шелковый шарф - как приговор для их самоубийства по высочайшему указу) с надлежащими рунами-иероглифами, как доказательство его происхождения.

Мать и отец погибли в бою, остатки племени были рассеяны по горным лесам, стойбище выжжено, но он и младший брат выжили, благодаря тем амулетам и пробудившемуся в ту ночь дару. Последних преследователей он сжег магическим пламенем на границе Зоны Смерти, только там они могли укрыться от ищеек императора. В дальнейшем, получив воспитание в одном из монастырей Темного пути, куда простым смертным, даже асассинам из драконьей гвардии, пути не было... В таком месте жизнь неодаренного продолжалась не дольше десяти шагов. Стражи Тьмы всегда голодны и всегда настороже. Один из них принес в ту ночь к монастырю двух одаренных детей на своей спине. Остальные славно попировали, поминая племя Ху его короля – Ши Мужуна.

Из воспоминаний генерала вывели слова омеги.

Похвала Чэнь Жуна, несомненно, предназначалась им обоим, и была идеальна как по сокровенному смыслу, так и по произнесенным словам но, хотя для Ван Хуна такая похвала, в принципе, была излишней, для Жань Миня она являлась довольно ценной.

Жань Минь держал в губах травинку, скрестив руки на груди, его мыслей о прошлом никто не мог видеть и слышать. Услышав слова Ван Хуна, он повернул голову и увидел удаленную гуляющую толпу аристократов своими глубокими глазами.

В лунном свете трепетали на легком ночном ветерке ароматные одежды, покачивались светильники и танцевали причудливые танцы кокетства веера. Казалось, они не спасаются, а скорее осматривают достопримечательности. Он окинул взглядом толпу и снова поднял глаза к небу. Овцы, бдительно оберегаемые пастухами, загоняемые в овчарню, и не сознающие этого.

Он не ответил своему спутнику. Ван Хун тоже закрыл глаза, поднял голову, чтобы ощутить

прохладный осенний ветерок, и больше ничего не сказал. К чему слова?

Так они и сидели в тишине рядом друг с другом, чувствуя себя очень спокойно и не обращая внимания на собеседника. В принципе они знали, что им нужно друг от друга. Спорной величиной оставался лишь юный омега. Остальные присутствующие были лишь животным фоном. Маги, особенно высоких рангов, по сути, обычных людей уже равными себе не воспринимали. Но те этого пока не знали.

Тем временем Чэнь Жун сидел, опустив голову, и спокойно ел сладости. Срочно требовалось восстановить потраченную на ассимиляцию информации из свитка нервную энергию. В отличие от него, кузина Чэнь Вэй в этот момент смеялась и шутила с другими девушками, бросая кокетливые взгляды и туда, и сюда. Сразу несколько богатых кланов, их молодежь, обилие комплиментов кружили голову. Пусть отец что-то там предупреждал насчет клана Ван, с которым клан Чэнь не в лучших отношениях, но то же основной клан… Зато молодые люди Ван были так обходительны, имея перед собой прекрасный пример в лице Ван Хуна.

Для Чэнь Вэй было очевидно, что Чэнь Жун сегодня угрюм и, похоже, не в хорошем настроении, после разговора с язвительными молодыми девушками Ван. На взгляд Чэнь Вэй они просто приревновали ее красавчика-кузена к своему Ван Хуну.

Тем не менее, Чэнь Жун все еще не извинился перед Чэнь Вэй за свою грубость. Статус Чэнь Вэй был намного выше, чем у Чэнь Жуна. Она уже снизошла до того, что изображала улыбку для Чэнь Жуна. По крайней мере, другие девушки из дома Чэнь не смогли бы сделать то же самое. Нет, определенно следовало расспросить кузена о разговоре. Пусть удавятся от зависти! И она отправилась к повозке Чэнь Жуна.

— Что ты сказал, когда подходил к Ван Цилану только что? Почему он так дружелюбно на тебя смотрел? — спросила Чэнь Вэй, откинувшегося на сиденье в коляске кузена, и окончательно потеряв терпение.

Чэнь Вэй спросила то, что хотели спросить все остальные. Как только она заговорила, две девушки, сидевшие рядом с ней в коляске, обернулись и посмотрели на Чэнь Жуна, ожидая его ответа.

Чэнь Жун медленно проглотил сладости, прежде чем ответить нахалке, влезшей на его территорию без приглашения:

— Ничего особенного. Я только спросил у Ван Цилана совета по игре на цитре. Что касается Генерала Жань, возможно, он счел меня слишком смелым.

— Ты смелый, — рассмеявшись, ответила Чэнь Вэй. — Вот так запросто подойти к генералу… даже старейшины удалились от него.

Чэнь Жун ее проигнорировал. Сделав вид что крайне увлечен выбором того, что собирается положить в рот. В этом времени сладостями были сухофрукты и сваренные на меду и патоке орехи и фрукты. Чистого сахара еще не было, впрочем, как и чистой соли. А сладости продавали в аптеках как лекарства. От нервов и проблем с горлом и голосом. Где серьезные пилюли вроде как пить еще не надо, но что-то сделать уже хочется. Однако сваренные на меду фрукты, орехи и даже некоторые овощи уже пришли и в качестве баловства- первых десертов. Дамы и барышни с их «тонкой конституцией» частенько «лечили нервы» и чирикающие голоса. По канонам этого времени женские голоса должны быть тонкими и нежными - словно у птичек… понапрягай так связки – невольно заболят. Так что угощение пришлось в кон. К тому же он пропустил через котел многие ягодки, карамелизируя их и попутно насыщая вытяжкой лечебных трав. И сейчас как раз дегустировал что вышло. Зачем? Да вот упакуй в красивый пакетик или кулечек …К дамам, барышням и девицам с таким подарочком можно было всегда подойти, мало ли зачем?

— Раз уж ты осмелился обсуждать игру на цитре с Циланом, значит, твоя музыка превосходна? — спросила она с намеком, поглядывая на его угощение.

Чэнь Жун снова не ответил, подав маленькую корзинку с отложенными для сестрицы сладостями к собеседнице, чтобы та заткнулась. Судя по реакции на лекарство, девицам угощение очень понравилось. Он только сам взял палочками сладость из свой мисочки, положил в рот, и приказал Матушке Пинь, стоявшей неподалеку:— Принеси мою цитру.

— Да, господин.

http://tl.rulate.ru/book/1285/36078